

Черточка к черточке. Василий Васильевич Розанов

О случае самосожжения

М. Г.

«Вчера я прочел вашу статью «Случай в деревне», помещенную в «Мире искусства» за 1900 г. В ней вы мимоходом говорите, что любите собирать «случаи в жизни», коллекционировать «раритеты», подобные приведенному вами там же казанскому «случаю».

Я беру на себя смелость переслать вам с этим письмом заметку из газ. «Знамя» (№ 158, 14 июня 1903 г.), в которой сообщается о попытке одной девушки на самосожжение «в припадке фанатизма». Этот прискорбный факт имел место под Петербургом, на ст. Сергиево Балт. ж. дор. (Сергиевская пустынь).

Примите уверения и пр. Сергей К-ов.

Весною будущего 1904 года я кончаю здешний Университет по математическому разряду физико-математического факультета. Моя специальность — небесная механика, или, в более широком смысле — астрономия; и в том же году я намерен, с Божьею помощью, стать — по нашей терминологии — «жильцом могил», т. е. принять сан иноческий, а затем поступить в Спб. Духовную Академию.

С. К.

С.-Петербург, среда, 2 (15) июля 1903 г.»

Примечание. Передача факта самосожжения перенесена мною ниже, в отдел «Купол храма». Но интересно, что увидел неофит, приблизясь к «живым могилам». Это он, при случае, сообщил мне через три года в следующем письме:

Что увидел неофит?..

7 января 1907

«Многоуважаемый В. В.

Позвольте обратить ваше внимание на одну прекрасную книгу, недавно вышедшую, посвященную небезынтересному для вас вопросу о воспитании и образовании, даваемых современной духовной школой. Название книги «Духовная школа. Сборник статей. Москва, 1906 г. Ц. 1 р. 35 к.».

Книга — подкупающая всякого беспристрастного читателя своей искренностью и вместе с тем — странная книга. Прочтите, напр., статьи «Без призора» и «Как мы изучали Библию». Какой ужас! Наша несовершенная светская «мирская» школа оказывается поистине «раем земным» по сравнению с гнилым болотом, именуемым духовными школами: я никогда не мог и представить себе ничего подобного!

Зато теперь я прекрасно понимаю, почему наше духовенство именно таково, каково оно есть. Это — покойники, какие-то мумии. Недавно тут, в Петербурге, на Стремянной ул., в зале «Общества распространения просвещения в духе православия» происходили пастырские собрания духовенства петербургской епархии. Был там и я, грешный. Очень интересно: одни эти лица чего стоят — жирные, толстые, без тени мысли[1 - Не могу не передать одного живого впечатления. Однажды мы, несколько писателей, были на беседе у одной важной духовной особы, где присутствовало несколько епископов и архимандритов. Когда после беседы мы вышли на свежий воздух, то Д. В. Философов, обертываясь к Д. С. Мережковскому и мне, сказал своим неуверенным голосом и тихо смеясь: — «Как это странно: вот мы все пришли туда, как защитники плоти, и говорили смело за плоть, за радости мира, за сытную и, во всяком случае, нормальную, без самоумерщвления жизнь». Смех его увеличился и он продолжал: — «И думал я, сидя среди их: да какие же мы защитники плоти, — в нас и весу-то чуть не несколько фунтов, худые, бледные, малорослые. Вы, Вас. Вас., Вы, Димитрий Сергеевич? Взглянуть не на что. И они с нами спорили и говорили, что постыдно служить плоти: между тем не было между ними менее пяти пудов весу в человеке, и щеки красные, лоснящиеся, губы сочные». И он смеялся. А мы все недоумевали. В. Р-в.]. Безумие и ужас. И всякому живому слову они ставили свое «veto». Им хорошо и тепло, прибыльно и выгодно живется, а все прочее — «трын-трава». Что им за дело, что паства, не желая быть в положении «стриженных овец», «ушла на сторону далече», как выражался мой друг, известный и вам участник Рел. Фил. Собраний, о. архимандрит Михаил, личность высокопочтенная и талантливейший ученый; что им за дело до будущего, они бессмертны, как всякая пошлость, а затем: après nous le déluge[2 - после нас хоть потоп (фр.).] — это-то они знают. Я считаю себя православным в том смысле, что принимаю всю совокупность догматов Пр. Церкви и считаю для себя обязательной ее канонику; но ближе узнав «духовенство», не могу не согласиться с мнением одного знакомого, человека умного, просвещенного и даже знаменитого в той отрасли русск. искусства, в которой он работает и которая соприкасается и с церковью, и с «духовными» вообще. Он часто говорит мне: «по-моему, есть Церковь и мы, миряне, верующие — ее и составляем; и есть поп — этот с Церковью ничего общего не имеет». Конечно — это резко и даже не верно. Но все горе в том, что почти верно.

Я понимаю, что не одни они виноваты в том, что вышли такими «цацами»; виноваты и мы, виновато очень и Государство, развратившие их властью и требованием абсолютного, против совести, подчинения. Но все же во многом виноваты и они сами, и, кажется, некоторые из них начинают сознавать это. По крайней мере, таковым представляется мне «Союз Ревнителей Церк. обновления». На него уповаю, хотя часто думается: «Может ли что доброе от духовенства быть»? Не покойники ли это нравственные, — и смерть без воскресения не есть ли «злая часть», которую избрали они себе в удел? Страшно... Но надо кончить...

Сергей К-ов.»

Иногда думается, что духовенство, хотя оно и именуется «строителями Тайн Господних» (строители!!!), на самом деле просто — «примазавшиеся» к делу веры. Дело религии — оно есть; какое-то странное, глубокое, верится — прекрасное; но они-то, именно они и

понятия об этом «деле» не имеют. Однако нельзя не поразиться: что ведь они, именно они чаще всего читают Евангелие, знают его, непрестанно носят образ Иисуса перед глазами и в сердце. Они — иисусовцы, мы — просто «люди». Отчего же в простом человеческом сердце, куда, кажется, и не заброшено «зерно евангельское», живут эти корни страхов, радостей, смущений, скорби, ожиданий, надежд, которые все суть начало дела религии?.. Спрашиваем, но не находим ответа.

В. Р-ов

Церковь-наставительница

«В одной из приходских петербургских церквей мне пришлось слушать проповедь. Священник говорил о необходимости воспитания детей в церковно-религиозном направлении. Делая довольно удачные экскурсии в область психологии детской души, он доказывал, что впечатления детства кладут очень сильный отпечаток на формирующуюся личность человека, а потому религиозным впечатлениям, как абсолютно ценным, должно быть отведено в деле воспитания первое место[3 - Поразителен этот вечный порыв духовенства, во всем, всегда, к «первому месту». Но поистине исполнилось: «первые да будут последними». За «первое место», данное ему Константином Великим, духовенство объявило «равноапостольным» этого Нерона Востока, умертвившего жену, сына и тестя, изобразило его на своих иконах и велело народам поклоняться ему как Богу!!! Ибо иконам поклоняются в Православии как Богу, зажигают перед ними лампы и свечи, кадят им, служат перед ними молебны, молятся на иконы... т. е. на лица, изображенные на иконах... И вот Церковь за честь, данную духовенству, повелела христианам молиться убийце! В. Р-в.]. Проповедник для подтверждения своих мыслей ссылался на пример воспитания Девы Марии (о котором, нужно заметить, мы ничего не знаем), приводил и тексты Св. Писания.

При выходе из церкви я услышал и откровенный отзыв о поучении. Довольно прилично одетый субъект — как видно рабочий — делился со своим товарищем впечатлениями:

— Ишь ты, как поп-то поучает... Детей, говорит, воспитывать надо под его руководством, а того-то и не скажет, что теперь в голодных краях дети мрут с голодухи. Какое тут воспитание... Все они, длинноволосые, только говорить да поучать мастера, святыми притворяются, а делать ничего не хотят для других, только о своем брюхе хлопочут!

Меня поразила эта оценка проповеди. Грубая и резкая, она, однако же, как нельзя более рельефно выставляла на вид всю неприглядность нашей официально-церковной проповеди. Нужно сознаться, что в приведенных словах заключалась большая доля правды. Церковные проповедники in massa не хотят считаться с действительностью. Их мысль витает в области отвлеченных схоластических рассуждений, общеизвестных сентенций и пересыпается обильно текстами кстати и некстати. Живая жизнь не задевает их ума, не волнует сердца; говорить об ее ненормальностях — не их дело».

(Из духовного журнала «Век», 1906 г., номер 5—6)

Церковь-благотворительница

«...Покойный отец мой часто говорил мне: «если будешь жить по Евангелию — пропадешь». И вот я живу по Евангелию и погибаю.

Я решил побеседовать со своим настоящим духовным отцом — Отцом Протоиереем Воскресенского всех учебных заведений Собора[4 - Выпускаем имя, отчество и фамилию живого и известного в Петербурге лица. В. Р-в.]. Отныне достопамятная для меня беседа наша имела место в самом Соборе на правом его крыле в среду, 13-го сего текущего сентября.

Вся внешняя обстановка — огромный, величественный, светлый (много света) Собор, белые под мрамор стены, мигающие огоньки лампадок, постукивание рабочих на главном куполе — все говорило о жизни, труде, работе, все напоминало хорошее, доброе, светлое, прекрасное, — вообще живое, радостное, здоровое. Но не такой характер носила беседа о. Протоиерея-академика со своим духовным сыном. Беседа длилась в течение часа, никем не прерываемая, в Соборе мы находились одни, не считая сторожа, стоявшего у ящиков со свечами при входе в Собор. Сидели мы рядом, колени наши соприкасались. Мой 6-летний сын стоял у моих ног, опершись руками о мои колени. И вот, за все время беседы я не услышал от духовного отца ни одного живого, бодрого, доброго, лишённого банальности слова, чуждого всего земного, материального, стоящего выше глупости, невежества, бездарности. Я услышал одно только знаменитое слово: терпение. Но я тут же вспомнил ваши слова: «здесь терпение и там терпение, — не слишком ли много??» Я заявил батюшке, что я тридцать лет терплю в той или другой степени, в той или другой мере, в той или другой форме от людей всех званий, возрастов, состояний и общественных положений. И вот я подумал: «что сказал бы, как поступил бы, как использовал бы данный момент» — беседа с человеком, пришедшим за духовным советом, — «католический или протестантский проповедник?!» И вспомнилось мне надгробное слово пастора, произнесенное 24 января 1897 г. над телом моей матери-немки, вспомнил вдохновенное лицо, страстную, увлекающую, захватывающую сердце, действующую на ум речь. Помню, на глазах всех, понимавших немецкий язык, навертывались слезы. Может быть, здесь была некоторая доля театрального, искусственного, было немного и позы и рисовки, но зато могу удостоверить, что не было глупости, бездарности, невежества, непонимания своего призвания, о чем я упомянул выше.

Отец протоиерей закончил тем, что направил меня к самому отцу Настоятелю, митрофорному протоиерею Н. И-чу Р-ву, сказав, что сам он, протоиерей, человек маленький и сделать для меня ничего не может. По словам протоиерея N-го, отец Настоятель прекрасный, сердечный человек, отзывчивый на всякое человеческое горе, нужду и проч. Отправились мы с сыном к отцу Настоятелю. Отец Настоятель, не долго думая, предложил нам на гостинцы 50 коп. и попросил нас удалиться. Испросив благословение и возвратив 50 сребреников — два 15 и один 20 — мы откланялись отцу Настоятелю.

Ваш Василий Андреев. 15 октября 1906 г.»

(Из частного ко мне письма)

На соборном служении

«Великое познается в малом, принцип испытывается мелочами. Отведав единую каплю морской воды, можно смело заключать, что во всем

океане вода соленая. Как церковь относится к жизни и может ли ею руководить? Над этим спорным и темным вопросом ослепительной искоркой вспыхивает маленький, но разительный факт, могущий служить показателем глубочайших свойств Православия. Факт до сих пор не нашел ни малейшего отклика во всей духовной печати, потому что и она не умеет обращаться с большими вопросами жизни, как и породившая ее Церковь. Я разумею случай, имевший место в дни крайнего обострения вопроса о безработных в Петербурге и попавший в хронику «Нов. времени» (№ 10830). 7 мая, по окончании обедни в Казанском соборе, духовенство, во главе с еп. Сергием, выходило на середину церкви для служения молебна. Какой-то молодой рабочий, стоявший у решетки, обратился к еп. Сергию, когда тот поравнялся с ним, со словами: — «Епископ! Я обращался к митрополиту, чтобы он помог голодающим. Вы ничего, однако, не сделали! Где же у вас душа? Где же сердце?» Произошло смятение, но духовенство, не изменив ни на йоту своей программы, дошло до места и начало служить молебен. Тогда неугомонный рабочий начал громко кричать, стараясь заглушить пение: — «Братья! Я умолял митрополита помочь голодающим, но ничего не сделали. Моя сестра 17 лет через голод пошла в дом терпимости. Можно ли дольше терпеть, посудите сами!» И он, при общем смущении, опустился в бессилии на пол, почти потеряв сознание. Церковный сторож повел его к выходу и освежил стаканом воды. Приходя в себя, несчастный время от времени повторял: «Где же правда, где же правда?» Из рук сторожа он был передан околоточному надзирателю и отвезен в сыскное отделение.

— И только? — спросите вы. — Да, только. — Не может быть, не поверю! Не может быть, чтобы в храме, где сердца размягчены молитвой и овеяны религиозной любовью, не нашли мощного, вдохновенного отклика вопли голодного! Не может быть, чтобы епископ не сказал тут же, на месте, горячую проповедь о помощи своим согражданам и все духовенство, сняв свои золотые шапки, не пошло тотчас же собирать в них подаяние с присутствующих, не говоря уже о дальнейшей организации систематической помощи безработным вкупе с общественными деятелями! Не может быть, чтобы никто из духовенства или набожных прихожан тотчас же не отправился, по просьбе епископа, в место гибели несчастной девушки и не выкупил ее на собранные деньги с тем, чтобы устроить ей приличное существование! Ведь в любом народном собрании даже с самым несерьезным настроением, будь то среди столь презираемых духовенством атеистов, материалистов, — крики голода вызвали бы непременно хоть какую-нибудь прямую и скорую помощь!..

— Не может быть этого только с простой, человеческой точки зрения. А вот по-церковному, по-православному не только было, но — мы с ужасом должны сознаться — так и быть должно. Не случайно и не на этот только раз духовенство и молящиеся впали как бы в летаргию, онемели, окаменели, глазом не моргнули в ответ на раздирающие душу стоны плоти и крови человеческой. Стиль, дух, норма Православия характерно выразились в этом безучастии. Как смели эти стоны осквернить своды молитвенного дома, нарушить их неземную тишину, где совершается бескровная жертва, отрывающая человека от бренного мира с его болями, где каждый предстоящий «ничтоже земное в себе да помышляет» и «отлагает всякое житейское попечение», где все находится под гипнозом духовности, презирающей всякую телесность?!

Убиение любви к жизни и ее интересам — это цель богослужения, и ее ставила себе церковь всегда и не без успеха достигала. К этому направляла всю обстановку, все чары, все волшебство своего культа. Прикоснитесь к молящемуся во время богослужения — и он окажется каменным, глухим ко всему земному. Вот где познается истинная сущность Православия. Церковь всей своей догмой, моралью и дисциплиной стремится охладить в человеке привязанность к земле, всеми мерами стремится убить у него самый нерв любви к жизни. На этой почве и разрастается пышным цветком все то изумительное равнодушие и безучастие Церкви к больным и насущным вопросам культурно-исторической работы, которое издавна восстановило против нее все живые общественные силы. Церковь уводит от жизни. Дивно ли, что и жизнь уходит от церкви?! И обе сосредоточиваются в двух враждующих между собою лагерях».

(Из «Страны», № 183 за 1906 г.)

А. Карташев[5 - Бывший председатель С.-Петербургской Духовной Академии и один из основателей Религиозно-философских собраний в Петербурге, теперь преподаватель Высших женских курсов (Бестужевских) в Петербурге. В. Р-в.]

Около церковного сердца

«...Подхожу к монастырской кассе и прошу о. эконома дать мне билет на пароход. «С каким пароходом ты приехал?» — спросил он. Я сказал, что — на пароходе Мурманского Общества. «Ну, — сказал он, на Мурманском пароходе и поезжай обратно. Ты этому Обществу уплатил за один конец, плати-ка и за другой; а мы возим только тех, кто платит нам за оба конца!..»

(Из «Церковно-общественной жизни», издаваемой в Казани профессором Духовной Академии В. И. Писаревым, номер 42 за 1906 г.)

«...Пред моими глазами как живая сценка в пещерах Киевской Лавры. В глубине подземных коридоров толпа длиною вереницей идет с свечами в руках, и поочередно паломники друг за другом прикладываются к св. мощам угодников. Лица у всех восторженные и благоговейные. В глазах одних светится горячая надежда, у других они источают слезы благодарности, что Бог сподобил их видеть святыню. Тишина и вздохи — глубокие, сокрушенные, молитвенные. На повороте у решетки, за которой покоятся, по преданию, тела братьев — строителей главного храма, — стоит подслеповатый монах и монотонно-тягуче повторяет одну и ту же фразу: «Положите копеечку, святые угоднички помолят Бога за вас! положите копеечку, святые угоднички помолят Бога за вас!»

(Оттуда же)

— «Еп. Антоний о монастырском землевладении. В «Вол. еп. вед.» напечатана следующая резолюция Антония, еп. Волынского: «Держитесь крепко за землю, которую пожертвовали церквам благочестивые наши предки за спасение своих душ. Не верьте льстивым обещаниям либералов...»

«...Если вам доведется быть в летнюю пору в каком-либо монастыре, вы обязательно найдете там каменные или штукатурные работы — то по ремонту, то по расширению старых построек; вы услышите стук молота о камни или увидите подвешенные люки. Если вы поинтересуетесь взглянуть на работающих, то увидите наемных мирян в ободранной одежде и с испытанными лицами, а монахи в это время, если оно не богослужебное, будут проходить мимо вас праздные, сытые и часто в дорогой одежде».

(Оттуда же)

«На Поперечно-Владимирской улице в столярной мастерской К. Г. Боль служит столяр П. А. С-в; у него есть брат, мальчик лет 14—15, по имени Илья: жил у сапожника учеником, но у него было стремление поступить в монастырь, и он часто ходил в Кизический мужской монастырь на церковные службы. И вот 12 августа перед всенощной мальчик решился и пошел в келью отца Дионисия — казначея монастыря, от которого зависит прием в монастырь. В келье он увидел почтенного иеромонаха, украшенного знаками отличия за усердное служение.

Выслушавши просьбу Ильи о приеме в монастырь, о. Дионисий сказал мальчику: «Вот я погрызу тебе ухо, если вытерпишь, приму тебя в монастырь». Смущенный мальчик ответил: «Не знаю, вытерплю или нет».

О. казначей, действительно, погрыз ухо Илье и велел снять пиджак. Потом запер дверь и, взяв мальчика в охапку, отнес его на кровать и сказал: «Теперь я буду лежать, как царь Давид в своей семье».

Пролежав несколько минут, о. Дионисий, опрокинув мальчика вниз лицом, лег на него и сказал: «Ну, Илья, если то приму в монастырь». Мальчик, ошеломленный всем происходящим и действиями монаха, лишился чувств.

Когда он пришел в себя, о. Дионисий собрался в церковь и приказал мальчику тоже идти туда.

Простояв всенощную, Илья пошел к послушникам, но в это время пришел мальчик Николай и сказал, что о. казначей требует к себе Илью. Оба мальчика пошли в келью к о. Дионисию.

Почтенный иерей, приказав Николаю уйти, запер парадную дверь и келью, потом, пообнимавши Илью, приказал ему раздеваться.

Затем со словами: «Ну, Илья, будешь принят в монастырь», — положил мальчика лицом в подушки и снял с него панталоны.

Затем при словах: «Ну, теперь ж... моя», — совершил акт, которому нет имени.

Мальчик лишился чувств.

Когда он очнулся, о. Дионисий дает ему рубль и говорит: «Ну, Илинька, не сердись и никому не говори», — и, отворив двери, выпустил мальчика.

Это происходило в 11 часов ночи.

Выйдя из кельи, Илья постучался к послушникам и, ночуя у них до утра, рассказал им происшедшее. Затем в 6 часов утра вернулся к брату, но не рассказал о вынесенном поругании. Тем не менее чувство обиды не давало покоя мальчику, и он опять пошел в Кизический монастырь, с тем чтобы добиться аудиенции у архиерея; здесь мальчик рассказал архиерею о том оскорблении, которое он получил у него в монастыре...

Архипастырь призвал о. Дионисия и, когда тот явился, начал его «урезонивать», выставляя всю гадость подобных деяний. И когда о. Дионисий не выдержал и воскликнул: «Грешен, святой владыка!» — архиерей, удовольствовавшись этим, отпустил обоих, казначея и его жертву, «с миром».

Илья пошел из монастыря, не зная, что делать... Но по дороге не вытерпел и рассказал все неизвестному ему человеку; последний посоветовал мальчику идти в земскую больницу. Здесь мальчика освидетельствовал доктор Д., предложив мальчику идти в Окружной суд и заявить о всем судебному следователю.

Но мальчик не умел рассказать все хорошо следователю, и тот вызвал еще его брата, столяра; старший брат, желая все это проверить, пошел с Ильей в монастырь к о. Дионисию. Столяр спросил монаха: «можно ли делать то, что вы сделали?» Но отец казначей и тут не потерялся, он промолвил: «Ты, Илинька, верно бедный, и тебе надо денег?»...

Наш сотрудник был у С-х. Он увидел семью пасмурной, злобной... И действительно, больше оскорбить семью, человека невозможно...»

(Из «Казанского вечера», 1906 г., номер 20)

Все многоточия — в тексте газеты. Судя по полной прописке имен, мест и лиц, описанное — не выдумка. Это подтверждает и следующая сноска под статью:

«В № 17 нашей газеты в хронике была помещена заметка под этим же названием. В настоящее же время мы можем подробно осветить это возмутительное дело».

«В Нижний Новгород привезен из Перми для отправления в монастырь бывший архимандрит Зосима, настоятель женской общины в Красноуфимском уезде, превративший ее в свой гарем и уличенный в изнасиловании ребенка. Суд приговорил его к каторге. Но, как только состоялся приговор, верующие, по сообщению «Ниж. Листка», руководимые белогорскими монахами, начали своеобразную агитацию. Архимандрит Зосима объявлен был невинно пострадавшим праведником. К нему стали стекаться поклонники и поклонницы, искавшие его благословения, которое приносило «исцеления». В тюрьму Зосиме приносили детей под благословение. Когда Зосиму заковывали в кандалы, вокруг него стояли белогорские монахи с горящими свечами.

И эта агитация не осталась бесплодной. Цепи спали с бывшего архимандрита. Каторга и арестантский халат его миновали. Зосиму, по словам «Ниж. Л.», везут теперь в монастырь. И надо думать, что паломничество к невинно пострадавшему не прекратится, не прекратятся и «исцеления»; и трудовые пятаки, рожденные потом и кровью обманутых, темных рабочих людей, — наполнят кружки белогорской общины.

Вспомнишь Гамлета и его задумчивое слово: «Есть что-то гнилое в Дании»...

(Из «Речи» 26 августа 1906 года, и из «Церковно-обществ. жизни» № 38)

«...От этих новостей местной жизни перейду к известию, которое меня возмутило до глубины души. Из Киева, от студента-земляка, я получил известие такого рода: «один монах — ректор семинарии, архим. Кирилл, совратил девицу, растратил несколько тысяч казенных денег и сослан в какую-то пустынь». А на другой день то же прочитал и в № 259 «Бирж, ведом.»:

«Ректор киевской духовной семинарии, архимандрит Кирилл, за развратное поведение сослан в Оптину Пустынь».

...Несчастливая Оптина Пустынь, долженствующая принять такого гостя к себе! Вот так монах — воспитатель духов юношества! Таких большинство! Все деланные монахи-карьеристы, худо живущие, никуда не годные. Этот «холостой быт» в монашестве нужно искоренить.

24 окт. 1906 г. Ваш свящ. И. Н-ский».

«Дети диавола и их проповедь свободы»[6 - Из речи на молебне в Казанском обществе трезвости.]

«Возьмемте слово свобода, слово, особенно излюбленное в наше время. Из-за него поднялась вся переживаемая нами сейчас смута общественная; его выставляют на своем преступном знамени вожаки смуты; это слово выкрикивают забастовщики разных слоев и сортов: и простые рабочие мыловаренных и других заводов и фабрик, и давно забывшие свое научное дело студенты и студентки, и молокососы гимназисты и гимназистки, и даже (horribile dictu[7 - страшно сказать (лат.)]) питомцы некоторых духовных семинарий, даже саратовские прачки! И при всем том едва ли огромному большинству выкрикивающих слово это доступно и вполне понятно значение его. Свобода!.. Ведь это слово нуждается в уяснении определенного своего содержания. Свобода может быть и бывает разная: свобода воли, свобода совести, свобода слова и печати, свобода гражданская, политическая и т. д. Не уяснить себе как следует смысла слова и из-за него пыль столбом поднимать, — согласитесь сами, ведь это и смешно, и обидно, и горько.

Выслушаем, как понимает истинную свободу Христос. Может быть, евангельское понимание свободы осветит нам и тот путь «вольной воли», на который так усиленно зазывают нас вожаки современной смуты общественной. Может быть, евангельская справка выставит в подобающем свете и самих зазывателей-смутьянов.

Однажды сказал Иисус к уверовавшим в Него иудеям: «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоан. VIII, 31—41). Это последнее выражение возбудило в новообратившихся иудеях целую бурю, доказав их поверхностную и непрочную веру. «Мы семя Авраамово, — возражают они, — и не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: сделаетесь свободными?» Не понял ветхий гордый[8 - То-то «не гордый» новый человек, «Христов ученик». Послушаешь этого тона, то поймешь, отчего в народе называют всех их, сплошь и не разделяя, «жеребьячьей породой». «Мы — духовные». — «Нет, вы — жеребьячья порода». Этот краткий диалог между собою и народом (цельный народ!) всегда следует держать в уме «духовным», когда они берутся за перо. В. Р-в.] человек, что в словах Господа речь идет совсем не о политическом или гражданском рабстве, а о рабстве духовном. «Истинно, истинно говорю вам, — объясняет им Иисус, — всякий, делающий грех, есть раб греха». Кичливые сыны Авраама забыли, что у них есть страшный тиран — грех[9 - «Скромным» сынам Иисуса, конечно, нечего помнить, что и у них тоже может быть «грех». Раз, стоя на клиросе, смотрел я в открытые южные двери и увидел, как из чаши св. даров «тянул» священник оставшееся после причащения мирян «тело и кровь Христову»... Слезящиеся, красные, старческие (почти) глаза, нетвердые руки; он тянул жадно, очевидно усталый за литургиею, и так жевал кусочки «Христового тела», что мне — полутщепенцу — стало страшно. «Все-таки вера отцов», но для него, очевидно, никаких «отцов» не существовало, а только старый желудок, согреваемый вином. В. Р-в.]. Вот от этого-то рабства Господь и хочет их освободить. «Знаю, что вы семя Авраамово, — продолжает Он поражать неукротимую гордость мнимых сынов Авраама, — но посмотрите, такие ли в вас расположения, какие в Аврааме? Ведь сын обыкновенно носит на себе отпечаток отца[10 - Христос этих слов не говорил, как известно, и оратор ничтоже сумняшеся влагает свои слова и мысли Иисусу Христу. Приписал Иисусу Христу он и этот биологический закон о непрерывном сходстве детей с родителями, забыв и то, что у одного Адама были Каин и Абель, и повседневные такие же примеры. Плетется и врет, как «безгрешный семинарист», — и все это ставит в кавычки как подлинную речь Иисуса Христа!! Это стоит причастия, которое другой семинарист тянет, как вино. В. Р-в.]. И если бы вы действительно были дети Авраамовы, то и дела Авраамовы делали бы. Но вы ищете убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога. Авраам так не делал. Очевидно, вы происходите от кого-то другого и делаете дела отца вашего». Только теперь поняли ожесточенные гордецы, что Господь говорит не о плотском происхождении от Авраама, а о нравственном их рождении. «Мы не от любодения рождены; одного Отца имеем — Бога», — сказали они с запальчивостью. «Нет, — спокойно ответил им Иисус, — нельзя сказать, чтобы отец ваш был Бог. Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня и понимали бы язык Мой, потому что Я от Бога изшел и пришел: ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня». Члены одной и той же семьи говорят одинаково и поэтому узнают друг друга, потому что одни и те же чувства и мысли одушевляют их[11 - Скажите! Опять биологический закон. Что за мудрецы выходят из семинарии. В. Р-в.]. Между тем собеседники Христа не только не понимают речи Его, но и намеренно, даже с каким-то сатанинским ожесточением оказывают упорное сопротивление истине — и этим ясно обличают себя, свое настроение, чьим, каким духом они проникнуты. «Ваш отец диавол, — называет наконец Господь вещи их именем, — и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца искони и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда он говорит ложь, говорит свое: ибо он лжец и отец лжи». Упорное, соединенное с ожесточением и злобою сопротивление истине, а также убийственные замыслы против человека, сказавшего истину, все это такие свойства, которые обладателей и носителей таких свойств роднят с царством сатаны, с исконным человекоубийцей и лжецом-диаволом.

Отсюда нетрудно понять и то, какую свободу проповедует в своем Евангелии Христос и что такое та свобода, которую сулят миру сыны диавола[12 - Называет неопределенное множество людей «сынами диавола». О, конюшня — о «духовная» конюшня, кроме которой ничего-то, ничего не имел народ русский в свое религиозное просвещение. В. Р-в.]. Свобода евангельская — свобода нравственная, свобода от греха; она — плод познания и уразумения истины, сообщает ее людям как тайну искупления через Сына Отца Небесного, но под условием, если люди пребудут в слове Его, т. е. если будут стремиться выполнить свое жизненное назначение — уподобление Богу[13 - Вне сомнения, судя по смелости упреков, сам автор давно почитает себя «уподобленным Богу». Приходит насмешливая мысль: «если вы подобны Богу, — то каков же ваш Бог»? Не здесь ли один из мотивов народного безбожия и отчаяния? С такими «подобиями Божества» на земле как сохранить веру отцов и вообще какую-нибудь веру? В. Р-в.]. Высшая степень истинной свободы состоит в том,

когда человек, руководясь мотивами очищенной путем истины и благодати своей богосозданной природы, избирает для своей деятельности только одно добро, когда его свободная воля сливается с волей Божией, когда человек начинает жить и дышать теми же мыслями и чувствами, какие наполняют душу Богочеловека Иисуса Христа, т. е. когда совершение греха делается для человека нравственною невозможностью[14 - Таким образом, «совершение греха» давно есть «нравственная невозможность» для нашего святейшего духовенства. Как прав я был, указывая на Религиозно-философских собраниях (1902—1903, доклад «О таинстве священства», см. «Около церковных стен», т. II), что духовные все вообще ощущают себя «богами», «без-укорными», «некритикуемыми». И что это, если рассматривать под комическим углом, есть только параллель исповедуемому хлыстами учению о бытии у них «Христов» и «Богородиц», а если посмотреть с трагической стороны, то увидишь, что руководимый «церковью» весь 140-миллионный «православный» народ впал в такие степени богохульства и богоотступничества, какие и не брезжились язычеству, евреям и теперешней Азии. Там хоть «что-нибудь» есть: у нас... кроме цинизма, что же еще осталось?! В. Р-в.]. Тогда-то человек воистину свободен, независим от всякой внешней силы, ничем не одолевается, даже предписаниями закона: ибо праведнику закон не лежит (I Тим. 1, 9); руководясь всесовершенным законом любви и чистой совести[15 - Это вы-то?! В. Р-в.], праведник не нуждается в законе, не нуждается во внешних побуждениях, он выше закона[16 - Будьте уверены, он все это относит к своему духовному сословию, «не зараженному дьявольской свободой». В. Р-в.], он — свободный и любимый сын в дому Божьем[17 - Совершенное хлыстовство! В. Р-в.], в царстве Христа и благодати[18 - Прямое определение «священства», «клира»! Какое же это самоощущение? «И дана была ему власть говорить слова богохульные», — сказано о противнике Божием в Апокалипсисе. И никогда свои митры, камлавки и скуфейки не ударит духовенство о камень и не зарыдает о себе слезами глубокой совести. Никогда! Еще не рождалось такой бесчувственности и непробудности, как в этом «Петровом камне»... «И врата Адовы не одолеют» этой каменной бесчувственности. В. Р-в.]. Волю Божью он исполняет по внутреннему своему влечению к Богу и добру.

Не такова свобода, которой ищут и домогаются сыны диавола. Это — не свобода нравственная, духовная, а чисто внешняя свобода, — произвол, не знающий никакого ограничения, никакого удержу; это скорее свобода от всякого закона, свобода, которая является поводом к угождению плоти (Гал. V, 13), это — рабство греху, нравственная разнузданность. Такая свобода есть плод лжи и злобы против истины, добра и правды. Главным виновником такой ужасной свободы всегда был, есть да будет диавол с его клеветами, исчадиями ада. Бедствия, какие причиняет людям эта стихийная свобода от всяких сдерживающих ее моральных начал, неисчислимы и ужасны. Ураганы и землетрясения приносят людям сравнительно меньшие бедствия, чем сатанинский произвол извергов человечества, не желающих знать ни истины, ни добра, ни правды, не признающих никакой власти, никаких прав человеческой личности, кроме своего осатаневшего «я».

Такую именно свободу, такую «волю вольную» и проповедуют современные смутьяны, именующие себя социал-демократами, — проводниками так называемого освободительного революционного движения. Вполне достойные сыны своего отца-диавола, они насквозь пропитаны ложью, намеренным искажением истины, подтасовкою фактов, буквальным маскированием себя и своей преступной деятельности (2 Кор. XI, 14), чтобы обмануть простодушную толпу людей доверчивых: солдат, рабочих, даже молодых школяров, невинных детей, даже девиц. Прикрываясь маскою якобы участия в судьбе страждущих и обремененных мира сего, на самом деле все эти клеветы диавола несут с собою замыслы убийственные. Для них, исчадий исконного человекоубийцы, ничего не стоит погубить душу и тело человека. И губят они людей, губят массами без всякой жалости, чтобы только добиться своих преступных целей. Им ненавистна Божья и царская власть на земле, ненавистна родина, им хочется выкрасть, вытравить из сердец человеческих веру в Бога и преданность помазаннику Его, лишить русских людей Отечества, как справедливо лишены его Самим Богом исконные сыны диавола, богоубийцы-евреи, самые главные виновники настоящей смуты общественной. Чтобы добиться этого, они пускают в ход всю силу сатанинской лжи: религию готовы объявить выдумкою попов, священников — обманщиками, церковь — ненужным пережитком прошлой жизни, даже Самого Христа — простым человеком, а в Его крестной смерти не видят уже никакого искупительного значения.

Если бесшабашные революционеры отваживаются с таким нахальством попирать Святыню народную, все то, чем человек русский доселе жил и дышал, то нужно ли удивляться их поистине сатанинской ненависти к священной особе Царя русского. Язык отказывается повторять всю ту грязь и ругань, какую переполнены наводнившие за последнее время нашу злополучную землю русскую разные воззвания, прокламации, брошюры преступной лиги революционеров-крамольников. Не довольствуясь оскорблением царского имени путем устного и печатного слова, путем лжи и клеветничества, душегубы-революционеры не убоились поднять на бунт против Царя и правительства мирных тружеников — рабочих людей, сознательно обмануть, подкупить, насильственно оторвать их от честного труда и подставить эти невинные жертвы под выстрелы военной силы, которая призвана была, которая должна была рассеять мятежную толпу[19 - Речь была произнесена после движения рабочего народа к Зимнему Дворцу, — и расстрелов его, которые так смутили светское правительство (см. быстрые, «охапкою» реформы-уступки после 9 января), — а вот на духовенство они произвели «впечатление», выразившееся в этой речи. Она — незабываемый памятник «Истории русской Церкви» и пусть в качестве такового украшает могилу ее, — уже недалекую могилу! Горе! Горе! Но не виновен врач, который произносит: «сердце остановилось, пульса не слышно». В. Р-в.]. Кроважидные душегубы-революционеры видели, как лилась неповинная кровь обманутых ими жертв, и, конечно, радовались и торжествовали, что удался их замысел кровавый. Да будет же кровь всех этих неповинных жертв вечным укором, несмываемым пятном на совести сознательных обманщиков и подстрекателей, если только хотя капля совести осталась еще у этих последних. Пусть помнят крамольники-душегубы, что кровь обманутых ими и загубленных братьев их вопиет и непрестанно будет вопиать к небу об отмщении. И рано или поздно этот вопль дойдет до Бога, и придет на них, на всех этих общественных смутьянов и кроважидных убийц, вся кровь праведная, пролитая и проливаемая ими на русской земле, от крови Царя-мученика и всех убиенных ими верных слуг царевых до крови мирных рабочих, их жен и детей, которую обагрена земля русская по лукавству и злобе сынов погибельных.

Таковы дети диавола, носители и проповедники лжи и злобы, и вот к чему ведет их преступная проповедь ложной свободы.

Братья-трезвенники и все русские люди! Поступайте как чада света. Испытайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте в делах тьмы. Обличайте русских крамольников, выводите их к свету, на свежую воду, ибо о том, что они делают тайно, — стыдно и говорить, а что они делают явно, открыто и нахально — это возбуждает ужас и отвращение... Берегитесь их, зорко смотрите за их действиями, а сами поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, искупующе время, потому что переживаемые нами дни слишком лукавы. Не упивайтесь вином и никакою греховною страстию, от которых бывает всякое распутство, всякая смута общественная (Ефес. V, 8—18). Уразумейте истину Христову, и она сделает вас истинно свободными чадами Отца небесного и царя земного и счастливыми сынами земли родной.

А о русских крамольниках-извергах знайте, что они сыны дьявола, исконного человекоубийцы и отца лжи. Свобода, ими проповедуемая, есть самая ужасная ложь, имеющая своим концом рабство греху. А греховное рабство есть начало всякого другого рабства — и гражданского и политического, есть начало разложения и гибели личности и целого народа.

30 янв. 1905 г. Е. А.»

[Из журнала «Деятель», издающегося в г. Казани, 1905 г., год десятый, номер 5]

«О правде небесной и праве земном»

Слово, произнесенное в соборе Казанского Спасо-Преображенского монастыря в день памяти митрополита Казанского Ефрема, 26 дек. 1904 г.

«Сегодня, дорогие казанцы, вы собрались в нашу святую обитель, чтобы разделить с нами празднование памяти великого в своем служении и славного в смирении Святителя Казанского Ефрема. Не могу скрыть от вас искренней радости, что такое множество молящихся окружает сегодня достославную могилу великого служителя Церкви Христовой и своего земного отечества. В нынешние тяжкие дни для нашей национальной скорби вспоминать наших великих строителей истории и учиться у них — это великое утешение для смущенных русских граждан и прекрасный исторический урок для наших общественных деятелей всех степеней, и высших и низших. Исторические указания — это наилучшие советники, нелицеприятные слуги всех искренних служителей Церкви и самоотверженных слуг Царевых; но эти же воспоминания из истории нашей Св. Руси оказываются и жестоким обличением всего нашего русского общества — «детей, оставивших Завет Господа Бога отцов своих».

Итак, в бедствиях нашего отечества и среди наших личных огорчений обратимся к месту вечного покоя митрополита Ефрема за утешением и наставлением[20 - Этот елейно лгущий язык есть второй тип «духовной речи» после того обвинительного тона как бы палача, «свежующего» свою жертву, какой мы имели в предыдущей речи. И двумя этими типами едва ли не исчерпывается наше «духовное красноречие»... То-то «зерно евангельское», кидаемое проповедниками в «каменную почву» и в почву, «заросшую плевелами», — каковую духовенству представляется поле народное, народная душа. В. Р-в.]...»

(Из того же «Деятеля», тот же номер)

Православные и католические святые о церковных истинах

Григорий Назианский писал блаженному Иерониму: «Надо побольше небылиц, чтобы производить впечатление на толпу. Чем меньше она понимает, тем больше восхищается. Наши отцы и учителя[21 - Т. е. древнейшие учителя и отцы церкви. Поэтому хотя, конечно, нельзя сказать, что «религия есть выдумка попов», но вполне основательно и правильно, что «церковь есть выдумка попов». Да Церковь этого и не скрывает: она говорит только «велелено» и «велегласно», что «все в церкви установили Отцы и Учителя ее», — эти Василии Долговязые и Иваны-Звонари, — что они ее сотворили, и по сему подвигу «сотворения» наименованы «отцами», «учителями», «святыми», т. е. мало-грешными. Но как из головы Фивского Сераписа, когда ее разбили, выбежали мыши и там оказалось не «святое место», а мышиное гнездо, так и в двух приводимых отрывках из интимной переписки величайших отцов Восточной и Западной Церквей V века, — видно, что не только они сами, но, по их мнению, и более ранние «святые» церкви сознательно лгали, чтобы обманывать народ. Sic transit gloria mundi... [Так проходит земная слава... — лат.]. В. Р-в.] не всегда говорили то, что думали, а что влагали в их уста обстоятельства и потребности».

Епископ Синезий в 410 году по Р. Х. говорил: «Народ положительно требует, чтобы его обманывали, иначе (курс. мой) с ним никак невозможно иметь дело... Что касается меня, то я всегда буду философом только для себя, для народа же — только священником».

(Из «Московского еженедельника» проф. Евг. Трубецкого за 1906 г.)

Суд над мертвыми

«За отступление от себя и «истин» своего учения Католическая Церковь карала виновных даже после их смерти; и существовала особая судебная процедура для подобных процессов, которая исключена из действующих французских законов только революцией около ста лет тому назад. Историю этих церковно-судебных процессов представил Габриель Дебар в первой ноябрьской книжке «Revue des Revues» на основании архивных документов. Обычай подвергать каре мертвецов за ересь возник в XI веке: в 1022 году, в Орлеане, Робер, прозванный Набожным, сжег первых еретиков альбигойцев, и в том же году, в том же городе был вырыт из могилы каноник Теодор, признан еретиком и его тело выброшено на улицу. В этом веке и в следующем более не известно ни одного процесса мертвых еретиков, но очевидно, этот обычай существовал, потому что муниципальный статус Тулузы в 1205 году регламентирует производство подобных процессов. Точно так же мы читаем в самом древнем руководстве для инквизиционных трибуналов во Франции, которое составлено для каркасонского трибунала доминиканским монахом Бернаром Гви, что «если еретик похоронен, то его вырывают из земли, влекут по улицам и бросают в яму, куда свозят городские нечистоты, а имущество его конфискуется, причем наследникам не дозволяется доказывать на суде, что покойник не был еретиком». В XIII и XIV веках подобные процессы были нередки. В 1235 году доминиканские монахи приказали в Тулузе вырыть несколько трупов богатых горожан и аристократов, которые признаны виновными в ереси, позорно протасаны по улицам и сожжены на костре «во славу Божию, святой девы Марии и св. Доминика». При этом герольд торжественно провозглашал: «Так будет со всеми, кто так поступит». По словам одного летописца, в провинции Лангедок число процессов мертвых еретиков в течение двух лет между 1373-м и 1375-м было «бесконечно». Давность не спасала несчастные трупы: так, в Ферраре инквизиция сожгла в 1301 году Арманно Пингвипо, умершего 32 года перед тем, а в 1313 году во Флоренции подвергся той же участи труп Герардо, покоившийся в могиле 63 года. В XVI столетии инквизитор Иоанн де-Рома беспощадно практиковал кару мертвецов относительно альбигойцев в Провансе. Например, Иехан Жинуи был подвергнут этим бесчеловечным инквизитором страшной пытке, и когда он не вынес пятикратного поджаривания предварительно пропитанных салом ног и умер, то его признали виновным в ереси после смерти и сожгли окончательно на костре. В XVII и XVIII веках протестанты часто подвергались посмертным преследованиям и казням, производство которых уже тогда было предусмотрено законами, именно эдиктами 1670, 1715 и 1724 годов. В этих эдиктах

предписано судить и казнить мертвых не только за ересь, но за дуэль, самоубийство и мятеж. В XVII и XVIII веках были примеры посмертных процессов мятежников, дуэлистов и самоубийц. В числе последних находился Никола Лоз, секретарь министра Вилеруа, и по этому поводу Вольтер писал: «Мы таскали по улицам тело самоубийцы, мы пронзили его грудь колом и опозорили его память; мы наказываем сына за потерю отца и жену за потерю мужа, отнимая у них наследство покойника». Что касается до еретиков, подвергшихся посмертному преследованию в указанные два столетия, то невозможно их подсчитать, но Дебару удалось найти в архивах подлинные протоколы 93 подобных процессов, в числе которых обвинялись 34 женщины. Очень немногие из подсудимых были оправданы, а громадное большинство казнены, хотя достоверных сведений о казни имеется только в 60 делах. Эти процессы происходили во всех частях Франции: в Лангедоке, Пуату, Бретани, Орлеане, Пикардии, Дофинэ и т. д. Подсудимыми были самые разнообразные лица: аристократы, судьи, купцы, рабочие, поселяне. Первые из этих процессов происходили в 1685 году, а последний — в 1778 году. В одном Меце в течение 17 дней в конце 1686 года было казнено 3 мертвеца. Производились эти процессы по установленному порядку. Обыкновенно патер извещал судью, что такой-то мужчина или такая-то женщина отказались перед смертью от исповеди и причастия по католическому обряду[22 - Исповедь, залезание в душу человека до последних ее тайников, есть вообще одно из страшных «тайнств» христианства, на которые никогда не согласились бы несчастные народы, не будь им обещано, что за это перед ними отворятся Врата Царства Небесного. Исповедь есть такое орудие властвования над человеком, каким не обладала еще ни одна империя и никакой монарх. Одна она есть уже панихида над свободою человекою, погребение свободной личности человека. В. Р-в.], за что подлежат преследованию как еретик или еретичка; судья производил с докторами осмотр тела и накладывал печать на затылок покойника, затем тело или отдавалось на хранение родственникам, или чаще всего подвергалось аресту при тюрьме, где оно оставалось иногда несколько месяцев, пока производилось судебное следствие. По окончании этого следствия вызывался на суд повесткой мертвец, а за его отсутствием опекун, иногда родственник, но обыкновенно назначенный судом посторонний человек, который, конечно, нисколько не заботился о защите доброго имени покойника и об интересах наследников, так как, в случае признания подсудимого виновным, его имущество подлежало секвестру. На суде спрашивались свидетели, обыкновенно патер и доктор, присутствовавшие при смерти подсудимого, а затем произносились обвинительная речь прокурором и защитительная опекуном, краткая и бессодержательная, или родственником, иногда очень красноречивая, если наследство было значительное. Наконец суд постановлял приговор, очень редко оправдательный, а почти всегда обвинительный. Обычная казнь состояла в том, что тело так называемого преступника привязывалось головой вниз к лестнице, которую прикрепляли сзади к телеге, и палач, держа за уздцы лошадь, запряженную в телегу, медленно проходил по главным улицам города. Это зрелище было ужасное, и один свидетель подобной казни в Пикардии восьмидесятилетнего виконта Нувиана, отказавшегося перед смертью вернуться из протестантской веры в католическую, пишет: «Его голова, вся окровавленная, билась о мостовую, а раны старого воина открылись, и кровь текла потоками». Когда это отвратительное шествие достигло до ямы, куда выбрасывали городские нечистоты, то тело несчастного бросили туда и приставлен был часовой, не допускавший никого подойти к телу с целью его похоронить. Обыкновенно тела казненных мертвецов делались жертвами собак или птиц, но иногда разъяренная толпа разрывала их на части. Подобные отвратительные сцены наконец стали возмущать народ и даже палачей. В 1693 году в Париже при такой казни народ возмутился, вырвал из рук палача тело несчастного протестанта, похоронил его и целый день ходил по улицам с криками: «Стыдно великому королю терпеть такое варварское обращение с его подданными, за что, конечно, он и навлекает на страну гнев Божий». Движение против таких варварств быстро увеличивалось. В Бержераке судьи отказались принимать к производству такие дела, а в Калэ в 1686 году палач не захотел исполнять свою обязанность столь позорным образом и согласился только под угрозой казни. В 1699 году некоторые епископы[23 - Епископы реагируют последними. Как и везде, «Иисусово сердце» у духовенства наиболее вяло реагирует, наименее впечатлительно. «Первые в наступлении, последние при отступлении», — можно повторить о них, как о древних воинах, — но только в «наступлении» против чего-нибудь благородного и в «отступлении» от какой-нибудь своей гадости. В. Р-в.] заявили, что посмертное преследование еретиков имеет самое вредное влияние, а потому его следовало бы уничтожить. Дижонский парламент прекратил несколько подобных дел. Однако, несмотря на все это, варварские посмертные преследования и казни продолжались до 1778 года, когда в Пикардии поселянка Локлон сделалась последней жертвой дикого законодательства, отмененного революцией спустя 11 лет после этого возмутительного процесса».

(«Исторический вестник», рубрика «Новости и мелочи»)

«Это все католики, а не мы», — скажет самодовольно православное духовенство. Но вот что я прочел в воспоминаниях о смерти Лермонтова. Как известно, тело его, убитого на дуэли, не получило христианского погребения. О возможности или невозможности его заспорили между собою два пятигорских священника. Вследствие сомнения они обратились с запросом к архиерею. И он ответил, что не только нельзя погребать поэта, который был застрелен на дуэли Мартьяновым против всякого своего предвидения, но что по-настоящему надлежало бы положить его тело в грязный мешок и, протащив рукою палача по улицам города, выбросить его в яму с нечистотами. Но, как и всегда, «православные» только говорят, а католики исполняют; у одних — сердце дряблое, вялое, у других — сильное; но природа-то сердца у обоих одинаковая. Подробности о смерти Лермонтова и погребении прочитаны мною в «Путеводителе по Кавказу» г. Москвича.

В. Р-в

Народный опрос

«Парижской газетой «Petit Parisien» предпринят был недавно своего рода плебисцит по вопросу о том, кого считать величайшими людьми во Франции в XIX в.? На этот вопрос получено было 1,5 миллиона ответов с более чем 15 миллионами поданных голосов.

Оказалось, что больше всего голосов получил Пастер, знаменитый ученый, открывший средство против собачьего бешенства, именно 1 338 425; второе место занимает Виктор Гюго — 1 227 103 голоса; на третьем стоит Гамбетта — 1 155 672; на четвертом Наполеон — 1 118 034; на пятом Тьер — 1 039 453. Затем идут Лазарь Карно, «организатор побед», — 950 772; Кюри, открывший радий, — 851 107; А. Дюма (отец) — 850 602; д-р Ру — 603 941; Пармантье, которому Франция обязана введением картофеля, — 398 863; Ампер, известный электротехник, — 352 469; Брацца, путешественник, — 344 515; Эмиль Золя — 334 747; Ламартин — 298 892; Араго — 258 892; далее Шатобриан, Мак Магон, Сара Бернар. На первом месте поставлен, таким образом, ученый, облагодетельствовавший человечество, на втором поэт, на третьем патриот. Представителей религиозного идеала не находим вовсе».

(Из «Церковного вестника» за 1907-й год, номер 1-й)

Этот опрос в своем роде есть параллель католическим судьбищам над умершими еретиками: здесь тоже судят живые и, пожалуй, тоже о «мертвецах», хотя и совершенно ортодоксальных. Но как торжествен и спокоен этот суд народный, выразившийся просто в молчании, с которым 15 миллионов человек прошли мимо митр, крестов, «чудес», юбилеев, булл, «силлабусов» и «энциклик». Sic transit gloria mundi...

В. Р-в

Нравоучительная книга

Один друг подал мне листок объявлений, очевидно оторванный от «приложений» к книге, со словами: «Вот, обратите внимание, о каких гадостях пишут духовные лица и еще распространяют это как что-то поучительное и наставительное». Я взглянул. Это было объявление от книжного магазина Тузова о «только что отпечатанной и поступившей в продажу вторым изданием» книге:

«Общенародные чтения

по

православно-нравственному богословию

в порядке десяти заповедей Божиих.

Протоиерея Евгения Попова. Спб., 1901 г.

Цена 3 руб., в коленкоровом переплете 4 руб.»

Заглавию предпосланы слова, что новое издание представляет «настоющую книгу для всего духовенства и для каждого православного христианина». Словом, раскошеляйтесь и покупайте: протоиерей, верно, достраивает каменный дом и крайне нуждается в оживленном рынке. — Книга, судя по подробному оглавлению на 8 страницах, вполне бестолкова и никакого отношения к десяти библейским заповедям не имеет, даже едва ли помнит их. Напр., во 2 же главе: «Богочитание сердцем», говорится:

О чествовании святых икон

О почитании святых

Об истинной и полной надежде на милосердного Бога

О страстях телесных

О страстях душевных

Советы против страстей

О чем всем вовсе ничего не говорится в X заповедях, или говорится в другом смысле, или даже и вовсе отвергается, как, напр., отвергается и запрещается почитание каких бы то ни было изображений, копий, вещественных воспроизведений («кумиров»), к разряду каковых, конечно, относятся «чувствуемые святые иконы» Православия. Равно «святыни» Православия, среди которых на первом месте стоят, всеконечно, «мощи», относятся к тем же «кумирам», и эта форма их тщательнейшим образом предупреждена в Библии, как страшное богохульство, через сокрытие Богом смерти и смертного тела Моисея, из которого евреи, по весьма понятным основаниям, могли бы вздумать сделать для себя «мощи». Словом, православные поклонились как раз тому, чему поклонение особенно противно Богу и запрещено Его словом, — деревянным раскрашенным вещам и мертвым останкам. Самое прикосновение к «трупам» («отцу отцов нечистоты»), — по глубокому разъяснению Талмуда) было таким нехорошим, грешным, противо-святым и противо-чистым делом, — хотя бы оно совершилось в делах благочестивого погребения, — что это раз и навсегда было, безусловно, запрещено всем священникам; а частный человек, прикоснувшийся к мертвому телу, не мог весь этот день войти к себе в дом, приблизиться к своей чистой и святой семье. Напротив, православные именно на «отце отцов нечистоты» и воздвигают свои храмы, совершают свои молитвы, не веря ни одному слову Библии, смеясь над каждым ее словом.

Равно трудно приурочить к библейским заповедям эти рубрики поучения:

О правильном и богоугодном почитании воскресных дней и праздников.

Т. е. праздников православно-христианских, совсем обратного смысла, чем библейские природные праздники, напр. рождение молодой луны, «новомесячия» и проч. Все природное изгнано Церковью из религии и заменено «косточками» или «похвалою нам», т. е. духовенству, но только духовенству прежних веков.

О соблюдении по-православному и с усердием постов.

Непонятно, для чего было упоминать «всуе» о десяти заповедях при изложении этих «наших мыслей» о посте. Ведь ничего подобного в Св. Библии нет!

В главе: «Любовь к ближайшим лицам», конечно, не забыты рубрики:

Отношение крестников к крестным отцам и последних к первым,

Обязанности в отношении к начальникам,

Отношения к пастырям духовным.

О всем указанном изложено довольно кратко, но вот автор протоиерей добирается до пресловутого «VII», т. е. «не прелюбодействуй»; и посмотрите, как он правою рукою все запрещает, даже самое невинное, а левою подсовывает «каждому православному христианину», читателям и читательницам его книги, такие гадости и глупости, о каких, кроме «святых обителей», нигде не слышано! и они не пришли бы никому в голову без этого «назидательного чтения», перед которым «Нана» Золя и его «La terre»[24 - «Земля» (фр.).] — воистину представляют собою невинный ребяческий лепет! Строгий автор начинает с того, что порицает и запрещает всякие возможные способы сближения полов, все средства общения молодых людей и девушек, предоставляя родительскому авторитету устраивать судьбу их, и таким образом сводя брак к лошадиному стойлу, куда сводятся «молодые» после церковного «благословения» и где они без любви, даже без знакомства, именно как лошади, приведенные с разного поля, «творят размножение», просто, гадко, кратко, хладно!.. Брак до Петра Великого, эта старорусская конюшня, где старый боярин насиловал данную ему «в плоть едину» дочь бедного дворянина, все эти возмутительные древнерусские обыкновения, где ничего нет, кроме голого излияния семени на «плоть едину», — все это мало-помалу было установлено и выработано похотливыми «отцами церкви», которые, кроме «истицаний» (см. ниже), т. е. собственных ночных поллюций и онанизма, ничего не знали в отношении размножения. Церковь позабыла или, точнее, закрыла ладонью весь ореол размножения, весь этот предварительный свет его, сияние его, какой запечатлен так прекрасно и благородно в Библии: именно благородное-то она и возненавидела, оставив одни «истицания», при которых брак не различается от онанизма и содомии, где он есть воистину человеческое скотоложство (любимая форма совокуплений в монастырях). Вот эта переработка брака, установленного Богом и прославленного в Библии, поэтического, глубокого, мистического в христианское скотоложство, которое объявляется «законным», будучи совершено при участии попа и с уплатою ему денег, — и составляет историческое дело Церкви в отношении к семье. Скотоложство — и ничего более! Причем и невеста-жена — скот, приводимый на постель после «благословения», и жених-муж входит в спальню как скот же: ибо что же другое он, просто мужчина, может чувствовать к просто девушке, раздетой и голой, перед ним положенной на кровать и к которой ему не позволено было ранее приблизиться духовно, ласково, любяще, любясь, уважая, доверяя... «Соверши с нею истицание: это и есть христианское супружество», — учила Церковь, учила всегда. Тут что-то содомско-развратное в мысли, тут возмутительная подтасовка заповеди Божией и во главе всего забвение этой главной мысли брака: «создадим ему (Адаму) помощницу, соответственную ему». Вот «соответствие»-то и выкинула Церковь, — выкинула любовь, связанность, гармонию душ и тел; и оставила одну конюшню, отвечающую развратному «нюху» ее. Забывая, что в Библии любят, «нравятся», любят, — что там играли на тимпанах и кимвалах, на «псалтири» (арфа), танцевали (Давид перед ковчегом завета) и пели песни (Деворра и Мариам), что там любовь и горячие ласки сливались с религиею и выливались в религиозные формы («Песнь Песней»), — автор-протоиерей все эти приближения супружества, световые его оттенки, его «предисловия» и «введения» уравнивает с... матерною бранью!! Но я цитирую рубрики главы, которая носит характерно христианское заглавие: «Обязанности любви к ближним и самому себе в отношении целомудрия и вообще нравственной жизни»:

ВИДЫ СЕРДЕЧНОЙ ПОХОТИ

Блудные помыслы.

Возжеленные взгляды на другой пол.

Чтение книг, располагающих к незаконной любви.

Блудные разговоры.

Сквернословие (матерная брань).

Любовные песни.

Страстная музыка.

Бесстыдные танцы — пляска и такие же зрелища.

Любовная переписка и списывание любовных стихов.

Слишком короткое обращение с другим полом.

Желание прельстить собой другой пол.

Ухаживанье за женским полом.

Любопытство на чужую обнаженность.

Соблазн на собственную наготу.

Неотклонение себя от живых соблазнительных картин плотской похоти.

Украшение дома, особенно спальни, соблазнительными картинами или статуями.

Искусственное разжение похоти.

Нескромная одежда.

Замечу, что все это у нас стало действительно лакейским (как и автор говорит об этом и даже называет это лакейским языком, в лакейском тоне), однако именно от не внесения сюда религии. Христианство, отвергнув, по существу, все, не допустило сюда божеского

света и просвещения: и все пало в тьму! Между тем, по существу, все это, что исчисляет и осуждает автор, — есть правда, должное, необходимость: и «помыслы», и «вожделенные взгляды на другой пол», и «книги, располагающие к любви», и «разговоры», «песни», «музыка», «танцы», «переписка» и «любственные стихи», «короткое обращение с другим полом», «желание прельстить собою другой пол», «ухаживание за женским полом», «соблазн на чужую обнаженность», «украшение дома, особенно спальни» (только действительно не «картинками», которые были бы «подобиями», «кумирами»), «одежда» или полураздетость и вовсе раздетость в соответственном месте и с соответственным лицом или лицами. Но только все это должно быть не на площади и улице, а в храме и храмах, должно быть не намалеванным на вывесках балагана или цирка, а иметь место в церковных процессиях, как наши теперешние «крестные ходы», «крещение», «миропомазание», где тоже есть движение и обнажение плоти, но все постное, все не в отношении к главной заповеди Божией, а «наше», выдуманное. Приведу пример. В библейскую эпоху всякая израильская семья выжидала у сыновей и дочерей появление «волос отрочества», которыми назывались первые три волоса, появлявшиеся на лобке над детородными органами. День этот считался днем возможного супружества, наставшей поры его. Тогда родители отводили отрока или отроковицу в Храм, в эту таинственную «Скинию свидения» (встречи, свидания человека с Богом), и здесь священник закалал жертвенного агнца «во всесожжение Господу», причем три первые волоса сбривались над шерстью закланного агнца и шли в жертву Богу вместе с ним. Как трогательно, просто, нужно: какая мысль у каждого мальчика, у девочки, еще так невинных и чистых, когда они видят, что священник отделяет нечто от детородных их органов, отделяет в храме, т. е. как бы у нас на литургии, и дает это отделенное в «благоухание Господу» (все жертвы приносились в «благоухание Господу»). При этом, естественно, и мальчик и девочка не могли не обнажиться. Это было в «Скинии свидения», а Бог был «супругом Израиля» (постоянный тезис всех пророков)... Совсем другое чувство, чем в наших «крестных ходах», где духовенство только показывает черни свои раззолоченные спины (ризы). Но этого было недостаточно: в «свидении с Богом» должны были участвовать не только 11-летние отроки и отроковицы, но и взрослые мужчины и женщины; и вот через Моисея Бог установил «закон назорейства». В тот же храм приходили израильтяне и израильтянки, мужа и жены, и таким же способом, как это делалось с отроками, священник «сбривал кругом волосы со всего их тела» (текст повеления Божия через Моисея), т. е. как само собою понятно — он сбривал их на голове и около детородных органов, где они и вырастают почти исключительно, после чего евреи обязывались не вкушать вина и какого-то «сикера», пока волосы не отрастут вновь. Как мы «до страсти любим ходить на исповедь», так у евреев, судя по записям в Талмуде, развивалось до страсти это «назорейство», и они спешили снова и снова приходить в Храм и давать «в обоняние Богу» этот волосной покров своего тела. Невольно все это сопровождалось обнажениями: как, «сбросив с себя одежду», нескромно плясал Давид перед ковчегом завета. Вообще обнажения были косвенные, не прямые, не с темой именно обнажения в себе, а было невольным и сопутствующим обстоятельством при другом обряде, в другом церковно-религиозном ритуале. Но вся эта побочность обнажения — только в своем роде «покров Изиды»: суть в том, что они именно были! И зрелище ветхозаветного Храма с этим множеством копошившихся в нем животных и нагих отроческих и взрослых, мужских и женских тел — являло совсем иной вид, нежели наши удрученные храмы! Заметим, что животные при Храме были помещаемы «гнездами», т. е. неразлучными семьями, и, конечно, при этом тоже «не на тему» обстоятельстве они нередко перед глазами молившихся совокуплялись: что было только исполнением заповеди Божией, данной агнцу, быку, телице, голубю и горлице одновременно и наряду с человеком! На площади — все было закрыто, но в Храме — все было открыто; на улице — все в одеждах, в храме многие — решительно без одежд (погружения священников и первосвященника в Каменное море, принятие назорейства). Вот способ! вот закон! Конечно, наша молитва — из постной, сухой ткани слов — оскорбилась бы видом этих совокупляющихся животных и зрелищем множества детородных органов, с которых снимаются волосы; но ведь мы поклонились тезису: «не множься! не плодись!» По заповеди — и молитвы!! Евреи, жившие под законом «плодись! множься!», — имели и другой, конечно, тон молитв, маслянисто-сладкий, текуче-сочный, вот как в «Песни Песней», для которого ничего оскорбительного не было в обычных зрелищах Храма, в ласках кротких животных и в органах исполнения заповеди Божией! Храм — тайна, в нем все таинственно. Мы, европейцы, — как юноши из Саиса: живем наружу, по сю сторону покрывала Изиды; но в том и существо «сверхъестественного», «откровения», «религии», что люди (библейские) вводились ими внутрь, за, под таинственный «покров». И не падали в смертном страхе от того, что под ним, естественно, видели.

Если заповедь Бога — размножение, то Храм, естественно, и должен быть преимущественным местом его, местом воли Божией. Но именно только размножения животных: человек же, павши, потерял правду в этом акте и недостоин совершить его в Храме; не по существу дела, а по своему, и притом временному, до снятия первородного греха, неумению.

Но переходим к «христианскому целомудрию». Библейские люди все видели в Храме; но на сотни миллионов их на протяжении двух тысячелетий пришелся один скверный Онан. У нас же, при нападении и пособии «Православно-Нравственного Богословия», все удерживающего человека от естественного сближения с женщиной, — и не могли не сделаться почти все онанистами. Вот, полюбуйтесь, о чем пишет протоиерей:

«ВИДЫ ТЕЛЕСНОГО БЛУДА»

Страстное скокание (щекотанье), осязание и лобызание.

Ночное искушение.

Вспоминание ночного соблазна.

Истицания (поллюции).

Первая потеря целомудрия.

Незаконная беременность.

Обольщение невинной или невинного.

Насильственное растление.

Насильственное любоддеяние.

Подпадение чьему-либо насилию.

Деторастление.

Похищение или же произвольное бегство из дома для плотского греха.

Наложничество.

Разврат.

Сводный брак.

Гражданский брак.

Падение в кумовстве или же с принятыми от купели.

Кровосмешение.

Падение с иноплеменным лицом.

Малакия (онанизм).

Муженеиство.

Научение других малакии и муженеиству.

Женонеиство.

Скотонеиство».

Ну, не довольно ли, добрый читатель? Ты уже видишь, что христиане всех людей превзошли своим целомудрием: не танцуют, не музыканят, имеют всегда понурый вид, вечно крестятся, читают «Господи, помилуй!» и не смеют поднять глаза на «сосуд дьявола», женщину. «Аще соблазняет тебя глаз твой — вырви его». Так и зажмуриваются. В темноте и без женщины залезает худощавый христианин под ватное одеяло... и уж тут начинаются «истицания»! «Господи, помилуй» и истицания и «Господи, помилуй!». Так и до утра. А наутро — синие круги под глазами, и, «грешный», крепче бьет он лбом о каменный пол своего храма, и ярче зажигает свечу свою перед сумрачными ликами, не догадываясь, что и все они, в свое время, знали эти же «истицания» и под глазами у них были эти же синие круги.

Последнего я не решился бы от себя сказать: да сказал это известный в Петербурге странничек, г. Михаил Сопозко, — принятый во всех благочестивых домах, а ныне удалившийся в Иерусалим и оттуда присылающий на родину нравственно-поучительные листки. Между такими листками есть один, где он, предостерегая благочестивых мирян от «козней дьявола», под которыми разумеется, конечно, «женщина», — передает, что против них не могли устоять даже и «святые угодники». Отсюда и начинается любопытное свидетельство. «Никто не мог устоять, — пишет он, — ни святители, ни пустынники, ни архиереи и патриархи, ни Отцы Церкви». В подтверждение он приводит из «жития» один рассказ, где «епископу единого града», уже тогда старцу, случилось впасть в тяжкую болезнь, о которой все думали, что она — предсмертная. «И посетила его игуменья местного монастыря, в сопровождении юной послушницы. И когда они стояли у него в ногах, то послушница нечаянно для себя коснулась рукою его обнаженной ноги. И от сего вошел огонь похоти в большого старца. И сказал он игуменье, когда она стала прощаться с ним: «Я слаб, оставь девицу при мне, чтобы услужить мне в немощи». Она так и поступила. Враг же рода человеческого не только еще более разжег его похоть, но и влил в него нужные силы, и он, поднявшись с постели, совершил насилием блуд с девицею. После чего она забеременела. Сей же епископ, поняв, что все то было от навождения дьявола, выздоровев, покинул епископство свое и город тот и, уйдя в пустыню, предался подвигам поста и молитвы. В чем так преуспел, что напоследок лет множество народа стекалось к нему, для научения и наставления, а когда он почил, — то нетленное тело его показало в нем совершенно угодившего Богу инока»[25 - Излагаю по памяти, но почти дословно. Текст Михаила Сопозко с указанием Отца Церкви, из которого он заимствует рассказ, перепечатан мною буквально в «Переписке с С. А. Рачинским», напечатанной в «Русском Вестнике» года четыре тому назад.]

«Он» пошел на церковный иконостас, в икону, — и православные теплят перед ним лампы. А «она» и ее ребенок? «Житие» не упоминает о них, и Михаил Сопозко тоже не спрашивает. Пренебрегаемая незаметная величина, которою христианские «Святцы» не занимаются. Но мы доскажем ее судьбу и сделаем обложку к «Святцам». С животом и через 9 месяцев с младенцем на руках, пошла бывшая послушница, изнасилованная архиереем и «святым», на рынки торговых городов, Константинополя или Антиохии, и, послужив лет 5—8 «товаром» для корабельных матросов, «подохла» где-нибудь в нищенском квартале. Ей — ни венца, ни иконы: не постилась, не молилась; а ребенок ее, зачатый архиереем и о котором не задумался папаша, — по общему пути подобных, вероятно, еще раньше пошел с камнем на шее в воду. «Жития» об этих частностях святительской жизни не упоминают. Но так как Вечное Солнце зрит с Небес и на записанное и на незаписанное в «житиях» и видит равно «житие» архиерея и жизнь той девушки и младенца и на весах небесных всякое бытие человека одинаково весит, то можно думать, что иконостасы православных храмов суть просто деревянные заборы, исписанные скверными лицами блудников, содомитов, онанистов, девоубийц и детоубийц. А мы кадим им и взываем: «святые отче (такие-то), молитесь Бога о нас»...

Впрочем, Солнце под своды наших храмов и не заглядывает. Темно в них. Сумрачно. И слышно в них заунывное пение действительно «грешных» людей, бьющих в перси свои в невыразимой скорби...

Пора же осветить эту скорбь. Взгляни, Солнце, сюда и расскажи молящимся все, что ты видело и знаешь!

Здесь я прилагаю извлечения из старинного, написанного полууставом «Требника», — где среди других «чинов» Церкви приведен и «чин

исповедания инокам», и затем «инокиням», и даже «схимницам» в виде вопросов им и ответов их. «Требник» этот, конечно, практически выработывался целые века: делались на исповеди признания, и «по прежде бывавшим случаям» вписывались вопросы. Таким образом, тут накопленный опыт жизни отложил свои следы, только без имен. Они и не нужны. История имеет дело с общим. Она не суд, который зовет лицо, а обзор, исследующий дела. Эти-то суммарные «дела», записанные в «Требнике», и показывают, что монастырь и монашество издревле были как бы цитаделями половых извращений, где эти противоестественности — редко и мало известные в миру, хотя и случающиеся, — были сосредоточены и неприступно сохранялись под защитой молитв, ладана, свеч, «святой воды» и «мощей», которые все окружали их и защищали от истребления, даже от беспокойства и наблюдения. «Житие тихое и безмолвное да поживем», — как бы говорили дела Содомы, Гоморры и Онана, воздвигая стены монастырские, подымая их выше, вырабатывая себе строжайшие «уставы», где все предусмотрено, всякий шаг монаха, и предупреждена всякая возможность какого-либо нормального отношения к другому полу, т. е. все сохранено и сбережено для аномального.

Примечания

1 Не могу не передать одного живого впечатления. Однажды мы, несколько писателей, были на беседе у одной важной духовной особы, где присутствовало несколько епископов и архимандритов. Когда после беседы мы вышли на свежий воздух, то Д. В. Философов, обертываясь к Д. С. Мережковскому и мне, сказал своим неуверенным голосом и тихо смеясь: — «Как это странно: вот мы все пришли туда, как защитники плоти, и говорили смело за плоть, за радости мира, за сытную и, во всяком случае, нормальную, без самоумерщвления жизнь». Смех его увеличился и он продолжал: — «И думал я, сидя среди их: да какие же мы защитники плоти, — в нас и весу-то чуть не несколько фунтов, худые, бледные, малорослые. Вы, Вас. Вас., Вы, Дмитрий Сергеевич? Взглянуть не на что. И они с нами спорили и говорили, что постыдно служить плоти: между тем не было между ними менее пяти пудов весу в человеке, и щеки красные, лоснящиеся, губы сочные». И он смеялся. А мы все недоумевали. В. Р-в.

2 после нас хоть потоп (фр.).

3 Поразителен этот вечный порыв духовенства, во всем, всегда, к «первому месту». Но поистине исполнилось: «первые да будут последними». За «первое место», данное ему Константином Великим, духовенство объявило «равноапостольным» этого Нерона Востока, умертвившего жену, сына и тестя, изобразило его на своих иконах и велело народам поклоняться ему как Богу!!! Ибо иконам поклоняются в Православии как Богу, зажигают перед ними лампы и свечи, кадят им, служат перед ними молебны, молятся на иконы... т. е. на лица, изображенные на иконах... И вот Церковь за честь, данную духовенству, повелела христианам молиться убийце! В. Р-в.

4 Выпускаем имя, отчество и фамилию живого и известного в Петербурге лица. В. Р-в.

5 Бывший председатель С.-Петербургской Духовной Академии и один из основателей Религиозно-философских собраний в Петербурге, теперь преподаватель Высших женских курсов (Бестужевских) в Петербурге. В. Р-в.

6 Из речи на молебне в Казанском обществе трезвости.

7 страшно сказать (лат.).

8 То-то «не гордый» новый человек, «Христов ученик». Послушаешь этого тона, то поймешь, отчего в народе называют всех их, сплошь и не разделяя, «жеребьячьей породой». «Мы — духовные». — «Нет, вы — жеребьячья порода». Этот краткий диалог между собою и народом (целый народ!) всегда следует держать в уме «духовным», когда они берутся за перо. В. Р-в.

9 «Скромным» сынам Иисуса, конечно, нечего помнить, что и у них тоже может быть «грех». Раз, стоя на клиросе, смотрел я в открытые южные двери и увидел, как из чаши св. даров «тянул» священник оставшееся после причащения мирян «тело и кровь Христову»... Слезящиеся, красные, старческие (почти) глаза, нетвердые руки; он тянул жадно, очевидно усталый за литургию, и так жевал кусочки «Христовой тела», что мне — полуотщепенцу — стало страшно. «Все-таки вера отцов», но для него, очевидно, никаких «отцов» не существовало, а только старый желудок, согреваемый вином. В. Р-в.

10 Христос этих слов не говорил, как известно, и оратор ничтоже сумняшеся влагает свои слова и мысли Иисусу Христу. Приписал Иисусу Христу он и этот биологический закон о неперменном сходстве детей с родителями, забыв и то, что у одного Адама были Каин и Авель, и повседневные такие же примеры. Плетется и врет, как «безгрешный семинарист», — и все это ставит в кавычки как подлинную речь Иисуса Христа!! Это стоит причастия, которое другой семинарист тянет, как вино. В. Р-в.

11 Скажите! Опять биологический закон. Что за мудрецы выходят из семинарии. В. Р-в.

12 Называет неопределенное множество людей «сынами диавола». О, конюшня — о «духовная» конюшня, кроме которой ничего-то, ничего не имел народ русский в свое религиозное просвещение. В. Р-в.

13 Вне сомнения, судя по смелости упреков, сам автор давно почитает себя «уподобленным Богу». Приходит насмешливая мысль: «если вы подобны Богу, — то каков же ваш Бог»? Не здесь ли один из мотивов народного безбожия и отчаяния? С такими «подобиями Божества» на земле как сохранить веру отцов и вообще какую-нибудь веру? В. Р-в.

14 Таким образом, «совершение греха» давно есть «нравственная невозможность» для нашего святейшего духовенства. Как прав я был, указывая на Религиозно-философских собраниях (1902—1903, доклад «О таинстве священства», см. «Около церковных стен», т. II), что духовные все вообще ощущают себя «богами», «без-укорными», «некритикуемыми». И что это, если рассматривать под комическим углом, есть только параллель исповедуемому хлыстами учению о бытии у них «Христов» и «Богородиц», а если посмотреть с трагической стороны, то увидишь, что руководимый «церковью» весь 140-миллионный «православный» народ впал в такие степени богохульства и богоотступничества, какие и не брезжились язычеству, евреям и теперешней Азии. Там хоть «что-нибудь» есть: у нас... кроме цинизма, что же еще осталось?! В. Р-в.

15 Это вы-то?! В. Р-в.

16 Будьте уверены, он все это относит к своему духовному сословию, «не зараженному дьявольской свободой». В. Р-в.

17 Совершенное хлыстовство! В. Р-в.

18 Прямое определение «священства», «клира»! Какое же это самоощущение? «И дана была ему власть говорить слова богохульные», — сказано о противнике Божием в Апокалипсисе. И никогда свои митры, камиллавки и скуфейки не ударит духовенство о камень и не зарыдает о себе слезами глубокой совести. Никогда! Еще не рождалось такой бесчувственности и непробудности, как в этом «Петровом камне»... «И врата Адовы не одолеют» этой каменной бесчувственности. В. Р-в.

19 Речь была произнесена после движения рабочего народа к Зимнему Дворцу, — и расстрелов его, которые так смутили светское правительство (см. быстрые, «охапкою» реформы-уступки после 9 января), — а вот на духовенство они произвели «впечатление», выразившееся в этой речи. Она — незабываемый памятник «Истории русской Церкви» и пусть в качестве такового украшает могилу ее, — уже недалекую могилу! Горе! Горе! Но не виновен врач, который произносит: «сердце остановилось, пульса не слышно». В. Р-в.

20 Этот елейно лгущий язык есть второй тип «духовной речи» после того обвинительного тона как бы палача, «свежующего» свою жертву, какой мы имели в предыдущей речи. И двумя этими типами едва ли не исчерпывается наше «духовное красноречие»... То-то «зерно евангельское», кидаемое проповедниками в «каменистую почву» и в почву, «заросшую плевелами», — каковою духовенству представляется поле народное, народная душа. В. Р-в.

21 Т. е. древнейшие учителя и отцы церкви. Поэтому хотя, конечно, нельзя сказать, что «религия есть выдумка попов», но вполне основательно и правильно, что «церковь есть выдумка попов». Да Церковь этого и не скрывает: она говорит только «велелепно» и «велегласно», что «все в церкви установили Отцы и Учителя ее», — эти Василии Долговязые и Иваны-Звонари, — что они ее сотворили, и по сему подвигу «сотворения» наименованы «отцами», «учителями», «святыми», т. е. мало-грешными. Но как из головы Фивского Сераписа, когда ее разбили, выбежали мыши и там оказалось не «святое место», а мышиное гнездо, так и в двух приводимых отрывках из интимной переписки величайших отцов Восточной и Западной Церквей V века, — видно, что не только они сами, но, по их мнению, и более ранние «святые» церкви сознательно лгали, чтобы обманывать народ. Sic transit gloria mundi... [Так проходит земная слава... — лат.]. В. Р-в.

22 Исповедь, залезание в душу человека до последних ее тайников, есть вообще одно из страшных «тайнств» христианства, на которые никогда не согласились бы несчастные народы, не будь им обещано, что за это перед ними отворятся Врата Царства Небесного. Исповедь есть такое орудие властвования над человеком, каким не обладала еще ни одна империя и никакой монарх. Одна она есть уже панихида над свободою человеческою, погребение свободной личности человека. В. Р-в.

23 Епископы реагируют последними. Как и везде, «Иисусово сердце» у духовенства наиболее вяло реагирует, наименее впечатлительно. «Первые в наступлении, последние при отступлении», — можно повторить о них, как о древних воинах, — но только в «наступлении» против чего-нибудь благородного и в «отступлении» от какой-нибудь своей гадости. В. Р-в.

24 «Земля» (фр.).

25 Излагаю по памяти, но почти дословно. Текст Михаила Сопозко с указанием Отца Церкви, из которого он заимствует рассказ, перепечатан мною буквально в «Переписке с С. А. Рачинским», напечатанной в «Русском Вестнике» года четыре тому назад.